

Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов

Руслан Семёнович

ГРИНБЕРГ

Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: grinberg@inecon.ru
ResearcherID: H-8175-2016

Олег Олегович

КОМОЛОВ

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Финансовый университет при Правительстве РФ
Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: oleg_komolov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6944-7925; Researcher ID: D-8347-2018

Аннотация. В статье рассматривается институциональный аспект государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в России. Теоретической основой исследования являются концепция «воспитательного протекционизма» Ф. Листа, которая предполагает возвращение «юных отраслей промышленности» под защитой покровительственных таможенных тарифов до обретения ими конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, и теория «отделения» С. Амина, которая рассматривает протекционизм как метод выхода стран периферии мировой экономики из отношений неэквивалентного обмена с промышленно развитыми странами: экономическая политика государства должна быть направлена на удовлетворение потребностей внутреннего развития, а не повышение международной конкурентоспособности (продоволь-

Для цитирования: Гринберг Р.С., Комолов О.О. (2022). Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 44–54. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.3

For citation: Grinberg R.S., Komolov O.O. (2022). Protectionism in Russia: New trends in the context of the import of institutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 44–54. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.3

ственная безопасность, полная занятость, установление минимального размера оплаты труда и т. п.). Такие меры были устойчивым элементом социально-экономической модели СССР и выступали источником накопления капитала для развития промышленности и ВПК. Авторы приходят к выводу, что механическое заимствование (трансплантация) институтов фритрейдерства и протекционизма в России в 1990-е годы, не сопровождавшееся постановкой и реализацией государством стратегических планов развития российской экономики, привело к формированию «мутантной» экономической модели. С одной стороны, полный отказ от политики государственной монополии на внешнюю торговлю способствовал наводнению отечественного рынка импортными товарами и, как следствие, массовому разорению отечественных предприятий обрабатывающей промышленности. С другой — целью фрагментарного применения инструментов протекционистской политики была не столько поддержка национального производителя, сколько создание комфортной среды для распределения государственной собственности между узкой группой приближенных к власти лиц, а также благоволение монопольному капиталу в ряде отраслей отечественной экономики.

Ключевые слова: протекционизм, институты, фритрейдерство, Россия, сельское хозяйство.

Введение

Понимание роли протекционизма в современной экономике невозможно без учёта институциональной среды, в которой государство реализует такую практику. Так, в ходе рыночных реформ 1990-х гг. постсоветская Россия импортировала институты государственного регулирования экономики через их трансплантацию¹. Попытка прямого заимствования чужеродных элементов из внешней среды — капиталистических стран западного мира, вследствие приватизации и экономической свободы хозяйствующих субъектов, политики «жёсткой экономии», смягчения налоговой нагрузки на капитал, либерализации валютного регулирования, отказа от монополии на внешнюю торговлю и т. д., вступала в противоречие с традициями хозяйственной деятельности плановой экономики. В результате такой симбиоз породил «чудовище Франкенштейна» — социально-экономические отношения, в которых институт государственного регулирования выполнял функцию передела общественной собственности и защиты интересов узкой группы приближенных к власти лиц от внешней конкуренции. В этих условиях политика протекционизма не будет приносить традиционно ожидаемых результатов, таких как возвращение конкурентоспособного национального производителя, обеспечение экономического роста и полной занятости, по-

скольку их работа изначально была подчинена другим целям. Таким образом, цель исследования — рассмотреть особенности развития политики протекционизма в современной России в контексте особенностей институциональной среды, сформированной под влиянием атрофии и перерождения институтов либерализма, а также дисфункции институциональной макроструктуры, когда свобода предпринимательства обернулась всевластием монопольного капитала, приватизация привела к массовым банкротствам предприятий, политика невмешательства государства вылилась в отказ от значительной части социальных обязательств.

Протекционизм по Ф. Листу и С. Амину

Экономический словарь определяет протекционизм как экономическую политику государства, которая проявляется «в целенаправленном ограждении внутреннего рынка своей страны от проникновения на него иностранных товаров. Такая политика ставит своей задачей поощрение развития национальной экономики и ее защиту от иностранной конкуренции путем установления высоких пошлин на ввозимые в страну товары или запрещение ввоза товаров»². Таким образом, протекционизм — явление, свойственное рыночной модели экономики. Идеи протекционизма в экономической теории развивали авторы разных экономических

¹ О проблеме трансплантации институтов на примере стран постсоветского пространства см. (Гринберг, Комолов, 2020).

² Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. (2021). Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 335 с.

школ. Наиболее известными являются работы Ф. Листа, сформулировавшего теорию «воспитательного протекционизма». Она предполагает возвращение «юных отраслей промышленности» под защитой покровительственных таможенных тарифов до обретения ими конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках. Торговые ограничения при этом не должны касаться закупки оборудования и технологий. Связанные с политикой протекционизма издержки вынуждены нести потребители, что Лист называл «платой за обучение». Они с избытком будут компенсированы будущим экономическим ростом. Покровительственные или «воспитательные» пошлины, по Листу, должны быть временными и отменяться по мере достижения национальной промышленностью той стадии, когда она может вступать в открытую конкуренцию с иностранными производителями. «Таможенная система как средство, способствующее экономическому развитию нации при помощи регулирования иностранной торговли, должна постоянно иметь в виду принцип промышленного воспитания нации», — пишет Лист в предисловии к «Национальной системе» (Лист, 2017). При этом Ф. Лист был противником «запретительных пошлин» и считал, что прибегать к ним можно лишь в исключительных случаях, например во время войны.

Схожие идеи, но уже применительно к анализу центрo-периферических отношений современной экономики, содержатся в работах С. Амина. В центре его исследований лежит проблема экономической зависимости: страны периферии мировой экономики специализируются на нескольких экспортоориентированных, трудоемких производствах с низкой добавленной стоимостью (добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, обрабатывающие производства низкой степени передела). При этом отрасли с высокой добавленной стоимостью располагаются преимущественно в странах центра. Перераспределение прибавочной стоимости периферии в пользу центра происходит через снижение уровня оплаты труда на периферии, контроль над ценами со стороны стран центра и закрепление за ними наукоемких технологий через систему патентов, а также потери отдельных стран периферии в связи с девальвацией национальных валют, чистым оттоком капитала и уплатой процентов по внешнему долгу.

С. Амин утверждал, что освободить от экономической зависимости страны, существующие по правилам глобальной капиталистической системы, невозможно. Единственным условием догоняющего развития для них является «отделение» (delinking) от сложившихся отношений международного разделения труда (Amin, 1990). Отделение не означает автаркию. Основная идея этой теории заключается в том, что периферийные государства должны перераспределять ресурсы и прибавочный продукт в соответствии с вкладом работников каждой из отраслей в общий выпуск. Это, например, приведет к росту цен на сельскохозяйственную продукцию и повышению благосостояния сельского населения. Экономическая политика государства должна быть направлена на удовлетворение потребностей внутреннего развития, а не повышение международной конкурентоспособности (продовольственная безопасность, полная занятость, установление минимального размера оплаты труда и т. п.). Амин признает, что осуществить полное отделение от экономической зависимости невозможно, однако даже частичное продвижение по этому пути можно считать успехом для страны (Amin, 1996).

В практике государственного регулирования внешнеэкономической деятельности протекционистские меры могут являться ответом на демпинг со стороны иностранного производителя. Выделяют три формы демпинга:

1) случайный демпинг, т. е. эпизодическая реализация товара на внешних рынках по цене ниже стоимости. Такое может случаться, например, в ситуации перепроизводства и потребности во что бы то ни стало сбыть произведенный товар на любых условиях. Такая форма демпинга не является опасной и не требует ответных государственных мер (Маслов, 2019);

2) преднамеренный демпинг — сознательная попытка вытеснить конкурента с национального рынка за счёт продажи товара по искусственно заниженной цене. Последующая монополизация рынка позволяет с лихвой компенсировать понесённые потери;

3) устойчивый демпинг, основанный на принципе ценовой дискриминации третьей степени и представляющий наибольшую опасность. Для борьбы с таким явлением от государства требуется реализация продуманной стратегии, которая, с одной стороны, не ли-

шит потребителя доступа к импортному товару, реализуемому по доступной цене, а с другой — поможет создать достаточные условия для развития и укрепления национального конкурента импортёру.

Наиболее распространённой протекционистской мерой во внешней торговле выступает таможенный тариф, т. е. ставка пошлины, взимаемой с товара при пересечении им таможенной границы (Feenstra, 1992). Данный инструмент имеет ряд преимуществ: позволяет ограничить поступление импортного товара на рынок в тех отраслях, которые требуют поддержки, обычно новых, малоразвитых отраслях промышленности, не способных вступить в открытую конкуренцию с импортёром; обеспечивает поступление бюджетных доходов; выступает в роли аргумента в политическом противостоянии государств на международной арене. При этом применение таможенного тарифа является эффективным только тогда, когда вся таможенная политика представляет собой часть тщательно проработанной стратегии развития национальной экономики, учитывающей межотраслевые пропорции и нацеленной на достижение чётко обозначенных целей экономического развития. В противном случае спорадическое, бессистемное применение таможенного тарифа как протекционистской меры может привести к негативным последствиям: вызывать торговые войны между странами, ограничивать доступ населения и компаний к качественным импортным товарам и прогрессивным технологиям, приводить к снижению конкурентоспособности национальных производителей ввиду отсутствия конкурентных стимулов к росту и развитию.

Становление протекционизма в современной России. Противоречия переходного периода

Развитие экономики современной России происходило на основе производственного и институционального фундамента, унаследованного от советского периода. В Советском Союзе внешнеэкономическая деятельность была частью плановой хозяйственной системы. В отсутствие экономической независимости предприятий таможенная политика советского государства не выполняла функцию регулятора внешнеторговых операций, поэтому термин «протекционизм» применять к ней было

бы некорректно. Её роль была вспомогательной и ограничивалась преимущественно фискальной функцией: таможенные пошлины выступали источником пополнения государственного бюджета. Кроме того, государственная монополия на внешнюю торговлю позволяла стабилизировать экономику, во-первых, обеспечивая плановый сбыт товаров советских предприятий за рубежом (с использованием в т. ч. политических инструментов обеспечения внешних рынков сбыта), во-вторых, восполняя недостаток товаров национального производства за счёт импортных поставок (Gruzinov, 1978). Введение госмонополии внешней торговли в 1918 году Ленин считал одной из главных командных высот советского государства для преодоления экономической разрухи в стране в условиях враждебного внешнего окружения: только так можно оградить молодую республику от вторжения иностранного капитала и успешно решать задачи социалистического строительства; «без такой монополизации мы не сможем «отделаться» от иностранного капитала платёжом «дани» (Ленин, 1974). Принцип монополии внешней торговли предполагал осуществление внешнеэкономической деятельности в соответствии с общегосударственным планом. Пропорции внешнеторгового оборота становились частью единого народнохозяйственного плана, подчинялись его целям и задачам. Правительство централизованно определяло номенклатуру необходимых стране товаров импортного происхождения и формировало фонд экспортных товаров для реализации за рубежом по мере восстановления нормальных условий для внешней торговли (Якуб, 2018).

Период рыночных трансформаций в России совпал с развитием неолиберального этапа в истории капитализма. Институты регулируемого капитализма в западном мире были заменены принципами рыночного саморегулирования. Они нашли отражение в положениях «вашингтонского консенсуса» — рекомендованного Всемирным банком и МВФ типа макроэкономической политики, основанной на приватизации, стабилизации и либерализации. Последнее означало значительное сокращение государственного регулирования финансового рынка или отказ от него (процентные ставки, установленные рынком, отказ от пониженных

ставок привилегированным заёмщикам); отмену барьеров для притока прямых иностранных инвестиций и обеспечение прямой конкуренции местных производителей с иностранными); дерегулирование, облегчающее создание новых предприятий, смягчение мер антимонопольной политики; либерализацию торговли через замену квот тарифами и постепенное снижение самих тарифов.

США в период президентства Р. Рейгана и Дж. Буша значительно ограничили активность протекционистской политики, сократили торговые квоты, поддерживали принципы ГАТТ (ВТО), предусматривавшие отказ от экономических барьеров на пути движения товаров и факторов производства. Также США стали инициатором создания Северо-Американской зоны свободной торговли – НАФТА, куда вошли Канада и Мексика. Создание интеграционного объединения явилось попыткой США расширить рынки сбыта для товаров национального производства. Общее движение мировой экономики по пути глобализации стало ответом на кризис «стагфляции» 1970-х: перенос производств в регионы с низкой оплатой труда с одновременным ростом импорта товаров развитыми странами из новых индустриальных экономик позволил сократить издержки американских и европейских производителей, что обеспечило высокие темпы экономического роста в последующие два десятилетия.

Центром рыночных реформ 1990-х гг. в России стала приватизация государственной собственности. Этот процесс повлиял и на государственную политику регулирования внешнеэкономических связей. В целом господствующая в те времена идеология рыночного фундаментализма предполагала, что самоустранение государства из экономики само по себе является достаточным условием благоденствия: естественные механизмы рыночной конкуренции запустятся сами собой. При этом правительству остаётся лишь ограничивать монополизацию посредством довольно мягкого антitrustовского законодательства.

Отмена монополии государства на внешнюю торговлю стала одним из ключевых решений, направленных на интеграцию России в международное разделение труда через интернационализацию национальной экономики.

Ожидалось, что конкурентные преимущества страны: богатый научный потенциал, образованное население, природные ресурсы, диверсифицированная промышленность – будут активно привлекать зарубежные инвестиции (Кнжжжфи, У фифмлу фи, 2009). Однако этого не произошло, в т. ч. потому, что сам российский правящий класс не был в полной мере заинтересован в таком развитии событий. В отличие от бывших советских республик Центральной и Восточной Европы, избравших путь безоговорочного подчинения и открытости перед западным миром (быстрое вступление в ВТО и ЕС), российская власть не желала делиться привлекательными активами с внешним миром (Evenett, Vines, 2012). Наоборот, 1990-е годы ознаменовались возрождением политики протекционизма, но в уродливой, искажённой форме, направленной на защиту собственности от внешних посягательств, а не развитие национального производителя. Условия привлечения к приватизации прямых иностранных инвестиций были закреплены в законе об иностранных инвестициях от 04.07.1991 и Гражданском кодексе. В отношении зарубежных инвесторов применялся «национальный режим», что уравнивало статус иностранных компаний с отечественными. Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» от 03.07.1991 никак не регламентировал приобретение государственной собственности иностранцами. Уточнения появились лишь в тексте Государственной программы приватизации государственного и муниципального имущества от 24 декабря 1993 г. Документ содержал в себе несколько ограничений на участие иностранцев в приватизации:

1) для приватизации организаций торговли, транспорта, общепита, бытового обслуживания, а также малых предприятий строительства и промышленности (с численностью работников до 200 человек) иностранному инвестору необходимо было получить разрешение местных органов власти;

2) в случае отсутствия других участников торгов продажа имущества иностранному резиденту была возможна только после процедуры специальной оценки имущества предприятия Министерством финансов России;

3) Федеральная служба контрразведки наделалась правом обращаться в Правительство РФ с ходатайством об отказе в приобретении иностранцами активов в ряде отраслей: оборонной промышленности, транспорте, связи, нефтегазовом секторе, добыче стратегических материалов и драгоценных металлов и камней;

4) иностранный капитал не допускался к приобретению активов, расположенных на территориях закрытых территориальных образований³.

Эти барьеры нельзя назвать непреодолимыми. Напротив, условия для допуска иностранцев к покупке российских активов были смягчены в сравнении с первой редакцией программы, принятой Верховным Советом в 1992 году. Однако, несмотря на это, участие иностранного капитала в приватизации оказалось незначительным, особенно в сравнении другими бывшими странами соцлагеря. Так, в период 1992–1994 гг. нерезиденты выкупили лишь 10% приватизированных активов (Сулейманов, 2003). Главной причиной была неготовность организаторов процесса приватизации делить собственность с внешними покупателями. Выбранная властями специфическая – ваучерная – форма приватизации сильно ограничивала участие иностранного капитала. Тесная связь власти с бизнесом стала источником протекционизма особого рода, когда роль государства сводится к защите национального покупателя от внешней конкуренции.

В декабре 1993 года в «Независимой газете» была опубликована статья с призывом в заголовке «Отказ от протекционизма»⁴. В ней автор утверждает, что на фоне формального движения по пути интернационализации экономики России на самом деле государство препятствует проникновению на рынок иностранных игроков посредством валютного контроля, импортных пошлин и налогов. В итоге в экономике сохраняется высокая степень монополизации, преодолеть которую следовало бы через при-

³ О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10101974/>

⁴ Теперман В. Отказ от протекционизма // Независимая газета. 15.12.1993. № 240 (664). С. 4.

влечение на рынок иностранных инвесторов. Однако такие призывы оставались без внимания, а тандем государства и бизнеса продолжал укрепляться. В результате этого синтеза в России сложилась специфическая бизнес-среда, которая пронесла свои родовые пятна через десятилетия. К таковым можно отнести следующие особенности.

1) Рентоориентированное поведение крупного бизнеса. Источником богатства большинства российских миллиардеров стало присвоение сверхприбыли от природной ренты и торговли на совершенно свободном, неосвоенном и нетребовательном к качеству товаров внутреннем рынке (Dzarasov, 2010). И если в розничную торговлю иностранный капитал начал постепенно проникать в форме крупных ритейлерских сетей, то извлечение сырьевой ренты было и остаётся привилегией национального капитала, а также государства.

2) Сверхдоходы как обязательное условие капиталовложений. Протекционизм и отсутствие конкуренции, а также отсутствие гарантий прав собственности и незначимость репутационных рисков оставили пространство лишь для инвестиционных стратегий, подразумевающих быструю, преимущественно спекулятивную прибыль. Эта проблема неразрывно связана с офшоризацией экономики России: утечка капитала становится инструментом защиты извлечённой прибыли от перераспределения рыночными методами.

3) Нерыночные методы конкуренции: административная поддержка регионального бизнеса местными органами власти за вознаграждение; политика вертикально-интегрированных компаний, завышающих цены на свою продукцию; монополизм в отдельных отраслях и регионах, вызванный особенностями производственного процесса, состоянием размещением производительных сил (например, в производстве узлов и агрегатов для машиностроения) (Апокин, 2011).

4) Низкое качество управленческих кадров, кумовство, недостаток предпринимательской инициативы. Он проявляет себя, в частности, в том, что российский бизнес оказался неспособен достичь успеха на зарубежных рынках, в т. ч. тех, которые отличаются благоприятным деловым климатом, низким уровнем коррупции и устойчивой правовой системой.

5) Низкая оплата труда, социальное неравенство и имущественное расслоение. Доля зарплат в себестоимости российских товаров и услуг в России составляет 20–25%, ЕС – 50–60%, США – 75–80% (Аксёнова, 2016).

Низкая эффективность протекционистской политики в России как проявление институциональной дисфункции

Указанные черты отечественного бизнеса стали результатом специфической политики, проводимой государством в постсоветский период. Новый российский протекционизм не выполнил «воспитательных» функций по Ф. Листу: не создавал благоприятных условий для развития производства (наоборот, низкий уровень доходов населения, высокие налоги, девальвированный рубль делали прямые инвестиции непривлекательными), но ограждал крупный бизнес от внешней конкуренции. Такая ситуация стала следствием дисфункции институтов государственного регулирования рыночной экономики. Как отмечает О.С. Сухарев, дисфункция представляет собой функциональное расстройство, нарушение, неисполнение (частичное исполнение) функций институциональной макроструктуры, которая сопровождается утратой наполнения включённых в неё подсистем. Искажённо функционирующие институты обеспечивают стабильность такого состояния, а преодоление накапливаемых противоречий становится возможным только при соответствующих модификациях институтов (Сухарев, 2021). В России функциональное расстройство трансплантированных институтов либерализма происходило в форме их атрофии и перерождения. По оценке В.М. Полтеровича, трансплантат оказался невостребованным, поскольку его использование стало несовместимым с культурными традициями и институциональной структурой реципиента. Атрофирующийся институт в таком случае становится источником более серьёзной дисфункции: активизируются деструктивные возможности его применения, подавлявшиеся особенностями институциональной среды реципиента (Полтерович, 2008). Таким образом, проблемы экономики СССР, где государство по крайней мере управляло экономикой в соответствии со стратегическими планами, преодолены не были: тепличные условия для крупного бизнеса, отсутствие конкуренции, а также нежелание и,

вероятно, неспособность российского государства сформулировать и претворить в жизнь стратегические планы развития экономики в целом и приоритетных отраслей в частности привели к противоречивым результатам.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию в российском сельском хозяйстве. Применение протекционистских мер в этой отрасли традиционно объясняется неблагоприятными климатическими условиями, следствием которых является повышенная энергоёмкость, невысокая урожайность и низкий уровень производительности труда. Ещё одним аргументом в пользу защиты национального производителя тарифными мерами является апелляция к практике США и европейских стран. Однако механическое заимствование протекционистских практик во внешней торговле привело к неоднозначным результатам. С одной стороны, объёмы производства с.-х. продукции, а также её экспорт выросли в несколько раз в 2000–2010-е гг. (Эпштейн, 2017). В то же время экспортоориентированный характер производства наряду с заниженным курсом рубля, который государство поддерживает через накопление избыточных международных резервов, приводит к росту продуктовой инфляции. В результате такого протекционизма производителю становится выгоднее направить продукцию на экспорт и продать за валюту, чем пускать в реализацию на внутреннем рынке. Стремительный рост цен на продовольствие способствует дальнейшему падению реальных доходов населения и заставляет президента и правительство прибегать к методам ручного управления, для того чтобы сдерживать рост цен на социально значимые товары⁵. В такой ситуации проявлением разумной протекционистской практики стало бы влияние государства на объёмы экспорта российской сельхозпродукции. Ограничение на вывоз зерна и прочих культур позволило бы снизить цены внутреннего рынка. Одновременно это означало бы ограничение валютной выручки экспортёров и, как следствие, снижение чистого оттока капитала – ещё одного канала неэквивалентного обмена в мировой экономике по С. Амину.

⁵ Путин прокомментировал рост цен на продукты // РИА. 30.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210630/produkty-1739200839.html> (дата обращения 18.07.2021).

Также побочными эффектами отечественного протекционизма в АПК являются засилье посредников и монополистическая власть компаний, занимающихся переработкой сырья. Так, к первоначальной цене производителя в процессе транспортировки, упаковки, хранения моркови добавляется 195%, картофеля – 160%, гречки – 135%, молока – 91%, капусты – 73%, говядины – 51%, мяса – 40%⁶. Отсутствие иностранных конкурентов вкупе с неэффективной антимонопольной политикой позволяет бизнесу извлекать высокие прибыли без достаточных капиталовложений (так, степень износа основных фондов в сельском хозяйстве РФ на 2020 год составила 40,5%). В результате в досанкционные времена наценка в разы превышала размер защитной таможенной пошлины, которая теряет свою защитную функцию: завышенные цены на продукты ограничивали внутренний спрос и в ещё большей степени перераспределяли товар в пользу иностранного покупателя (табл.).

Низкий уровень потребления подрывает воспроизводство рабочей силы, а также усиливает зависимость отрасли от конъюнктуры внешних рынков (Afanasyev et al., 2015). Кроме того, на данную ситуацию влияет такая традиционная протекционистская мера, как девальвация рубля. Политика дешёвого рубля, проводимая ЦБ и Минфином, не позволяет

российским компаниям осуществлять импорт машин, оборудования станков и иных элементов основного капитала, необходимых для выполнения амортизации и обновления материальной базы производства. На фоне постоянно растущего показателя степени износа основных фондов российская экономика находится в состоянии устойчиво положительного чистого экспорта. В допандемийном 2019 году торговый баланс составил 105 млрд долл. (Толкачёв, Бржезинский, 2018). Это обстоятельство свидетельствует, что в условиях девальвации российские предприятия оказываются неспособными обеспечить свои потребности в импортном оборудовании, поскольку вынуждены нести чрезмерные рублевые издержки при покупке иностранной валюты на внутреннем рынке. Вместе с тем необходимо отметить, что низкая эффективность протекционистской политики российского государства на фоне слабого экономического роста в период с 2014 по 2020 год вынуждает правительство пересматривать роль России в международных экономических отношениях, в частности ВТО, целесообразность членства в котором всё чаще ставится под сомнение представителями высшей власти РФ (Оболенский, 2018). В последние годы вектор российского протекционизма вынужденно поворачивается в сторону защиты национального производителя с целью повы-

Торговые наценки и ввозные пошлины на отдельные продовольственные товары накануне начала политики импортозамещения, 2013 г.

	Превышение розничных цен над ценами производств, %	Ставки импортных пошлин, %
Морковь (кг)	131	15
Молоко (л)	122	15
Свинина (кг)	93	0–65
Капуста (кг)	93	15
Говядина (кг)	92	0–15
Картофель (кг)	79	0–15
Мука (кг)	62	10
Масло подсолнечное (л)	51	15
Гречка (кг)	41	0
Яйцо куриное (10 шт.)	36	0
Помидоры (кг)	18	15
Источник: составлено авторами на основании данных (Цедилин, 2014).		

⁶ Разница между ценами производителей и сетей доходит до 195% // Известия. 11.02.2015. URL: <https://iz.ru/news/582914> (дата обращения 12.07.2021).

шения его конкурентоспособности. Несмотря на то, что уровень протекционистской защиты отечественного внутреннего рынка за время членства в ВТО несколько снизился, начиная с 2016 года Россия по степени тарифного протекционизма заметно опережает многие развитые страны. Как утверждает В.П. Оболенский, «среднеарифметическая ставка импортной пошлины по режиму наибольшего благоприятствования (7,6%) примерно вдвое выше, чем в США, Японии и Канаде, в полтора раза выше, чем в ЕС (Оболенский, 2018). Правительство, несмотря на бюджетные трудности, находит способы отчасти компенсировать потери отечественных производителей. К ним можно отнести утилизационный сбор на колесные транспортные средства, антидемпинговые пошлины на легкие коммерческие автомобили из ЕС, запрет на ввоз свинины, а также повышение пошлин на бытовую технику и некоторые товарные группы АПК. Однако такие шаги являются всё ещё недостаточными и отражают собой лишь естественное стремление российского государства следовать в русле общемирового тренда на усиление протекционистской политики.

Выводы

В данном исследовании авторами рассмотрены противоречия протекционистской политики российского государства через призму проблемы импорта институтов в период с 1990-х гг. по н. в. Новизна исследования, таким образом, заключается в применении политико-экономического метода, основанного на анализе развития производственных отношений специфической модели капитализма, установившейся на территории постсоветского пространства. Можно утверждать, что механическое заимствование (трансплантация) институтов протекционизма в России в 1990-е гг., не сопровождавшееся постановкой и реализацией государством стратегических планов разви-

тия российской экономики, привело к формированию «мутантной» экономической модели. С одной стороны, полный отказ от политики государственной монополии на внешнюю торговлю способствовал наводнению отечественного рынка импортными товарами и, как следствие, массовому разорению отечественных предприятий обрабатывающей промышленности. С другой – целью фрагментарного применения инструментов протекционистской политики была не столько поддержка национального производителя, сколько создание комфортной среды для распределения государственной собственности между узкой группой приближенных к власти лиц, а также благоволение монопольному капиталу в ряде отраслей отечественной экономики. Российский протекционизм не выполняет «воспитательных» функций, сформулированных Ф. Листом, а также не позволяет, следуя идеям С. Амина, обеспечить самодостаточность экономики России, преодолеть её зависимость от внешнего мира и периферийное состояние. Данные обстоятельства создают существенные барьеры для развития национального производства и реализации программы импортозамещения, сформулированной правительством. Тенденции деглобализации, свойственные современному этапу развития мировой экономики, требуют от государства пересмотреть основополагающие принципы протекционистской политики. Результаты исследования показывают, что целью государственной политики должно стать расширение потребительского спроса и перенаправление товарных потоков с внешнего на внутренний рынок. В условиях обострения глобального противостояния национальных экономик такая стратегия становится залогом успешной концентрации ресурсов на развитии приоритетных отраслей отечественной экономики, составляющих основу современного, шестого технологического уклада.

Литература

- Аксёнова А.О. (2016). Оплата труда работников в США – можно ли использовать этот опыт в России? // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 4. URL: <https://publikacia.net/archive/2016/4/2/1> (дата обращения 12.09.2021).
- Апокин А. (2011). Повышение стимулов для инвестиций в основной капитал и технологии: основные направления экономической политики // Вопросы экономики. № 6. С. 12–21.

- Гринберг Р.С., Комолов О.О. (2020). Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2
- Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. (2009). Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. Изд. 2-е. М.: Либроком. 512 с.
- Ленин В.И. (1974). Очередные задачи Советской власти, 1918 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 36. М: Издательство политической литературы. С. 241–280.
- Лист Ф. (2017). Национальная система политической экономии. М.: Социум. 456 с.
- Маслов Г.А. (2019). Техничко-экономическое развитие и возвращение протекционизма // Проблемы современной экономики. № 1. С. 43–47.
- Оболенский В.П. (2018). От легитимного протекционизма к торговым войнам? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9. С. 18–25.
- Полтерович В.М. (2008). Современное состояние теории экономических реформ // Пространственная экономика. № 2. С. 6–45.
- Сулейманов С.В. (2003). Участие иностранных лиц в приватизации в Российской Федерации // Законодательство. № 8. С. 9–17.
- Сухарев О.С. (2021). Функциональный подход в принятии решений: дисфункция и эффективность правил и систем // Управленец. Т. 12. № 1. С. 2–17. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-1
- Толкачев С.А., Бржезинский В.Г. (2018). Инструменты государственной поддержки промышленности сквозь призму институционального подхода // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 1 (31). С. 97–106.
- Цедилин Л.И. (2014). Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М.: Институт экономики РАН. 163 с.
- Эпштейн Д.Б. (2017). Темпы роста цен на импорт продовольствия и рост отечественного сельского хозяйства // Никоновские чтения. № 22. С. 45–48.
- Якуб А.В. (2018). Монополия внешней торговли в политике РСФСР в 1917–1922 гг. // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. № 1. С. 167–171.
- Afanasyev V.S., Medvedeva Y.M., Abdulov R.E. (2015). Niels Bohr's principle of complementarities in political economy. *European Research Studies Journal*, 18(4), 275–292.
- Amin S. (1990). *Delinking: Towards a Polycentric World*. London: ZED Books.
- Amin S. (1996). The challenge of globalization. *Review of International Political Economy*, 3(2), 216–259.
- Dzarasov S. (2010). Critical realism and Russian economics. *Cambridge Journal of Economics*, 34(6), 1041–1056.
- Evenett S., Vines D. (2012). Crisis-era protectionism and the multilateral governance of trade: An assessment. *Oxford Review of Economic Policy*, 28(2), 195–210.
- Feenstra R. (1992). How costly is protectionism? *The Journal of Economic Perspectives*, 6(3), 159–178.
- Gruzinov V.P. (1979). *The USSR's Management of Foreign Trade*. White Plains: M. E. Sharpe Inc.

Сведения об авторах

Руслан Семёнович Гринберг – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, научный руководитель, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Олег Олегович Комолов – кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36), доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49), старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Grinberg R.S., Komolov O.O.

Protectionism in Russia: New Trends in the Context of the Import of Institutions

Abstract. The article examines the institutional aspect of state regulation of foreign economic activity in Russia. Theoretical basis of the research is the concept of “educational protectionism” by F. List, which involves the cultivation of “young industries” under the shelter of protective customs tariffs until they become competitive in domestic and foreign markets; as well as the theory of “delinking” by S. Amin, who considers protectionism as a method for the countries, which are on the periphery of the world economy, to exit the relations of unequal exchange with industrialized countries: national economic policy should be aimed at meeting the needs of domestic development, rather than promoting international competitiveness (food security, full employment, minimum wage, etc.). Such measures were a stable element of the socio-economic model of the USSR and acted as a source of capital accumulation for the development of industry and the military-industrial complex. We come to the conclusion that the mindless borrowing (transplantation) of institutions of free trade and protectionism in Russia in the 1990s, which was not accompanied by the formulation and implementation of state strategic plans for the development of the Russian economy, led to the formation of a “mutant” economic model. On the one hand, the complete abandonment of the policy of state monopoly on foreign trade led to the flooding of the domestic market with imported goods and, as a consequence, massive ruin of domestic manufacturing enterprises. On the other hand, the purpose of the fragmentary application of protectionist policy instruments was not so much to support national producers as to create a comfortable environment for the distribution of state property among a narrow group of people close to the authorities, as well as favoring monopoly capital in a number of sectors of the domestic economy.

Key words: protectionism, institutions, free-trade, Russia, agriculture.

Information about the Authors

Ruslan S. Grinberg – Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, Scientific Director, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Oleg O. Komolov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation), Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation), Senior Researcher Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Статья поступила 23.09.2021.